

— Вы меня понимаете? — обратился носатый к парню на его родном языке.

— Понимаю, — кивнул он.

— Как вас зовут? — продолжил переводчик. — Откуда вы?

— Я Джон из племени джанго.

— Джанго? — с задумчивым видом переглянулся переводчик со следователем, и пересказал ему ответ парня. — Это в Судане, да?

— В Южном Судане! — возмущённо поправил его задержанный.

— Спроси у него, — обратился ко второму арабу следователь на своём языке, — откуда у него оружие?

— Откуда у вас оружие? — посмотрел на Джона переводчик.

— О! — продемонстрировал им белозубую улыбку чернокожий. — Когда я стал мужчиной, то украл у мерзких нунгу корову. Эту корову я обменял на автомат. С тех пор я не расставался с этим автоматом ни днём, ни ночью.

— Вы украли корову? — оживился полицейский.

Его слова продублировал переводчик.

— Да! — гордо выпятил грудь Джанго.

— Когда? Где? У кого? — посыпались вопросы у следователя.

— Помню этот день, как вчера, — довольно прищурился Джон. — Жаркое летнее солнце прожаривало до хруста кожу. Мы с другом Элаизом засели в засаде. Мальчишку-нунгу разморило на солнышке. Мы смогли у этого сони увести двух коров. Он спохватился уже тогда, когда мы отошли на большое расстояние. В тот же день мы обменяли коров на автоматы.

— Шеф, — после перевода обратился к полицейскому переводчик, — вы же видите, что это дикарь из Южного Судана. Я слышал об этих скотоводах. Джанго и нунгу постоянно воруют друг у друга коров.

— Я понимаю, — стало кислым лицо копа, который осознал, что повышения за раскрытие кражи ему не светит. — Спроси у него, как он оказался в Египте?

Носатый продублировал вопрос.

— О! — довольно скалился Джон. — Я шёл-шел, потом ещё много шёл. Затем снова много шёл. Потом меня поместили в это прекрасное место, в котором кормят и ничего не нужно делать.

— Что он говорит? — коп повернул к носатому хмурое лицо.

— Пришёл пешком, — устало вздохнул переводчик. — Говорит, что ему тут нравится. И я склонен ему поверить. Для дикаря камера для задержанных, словно курорт с халявной жратвой. Наверняка он до этого спал прямо на земле.

— Документы у него есть? — продолжил страж порядка.

— У тебя есть документы? — носатый переадресовал вопрос чернокожему.

— Документы? — широко распахнул глаза Джон. — Что это такое?

— У него их нет, — снова вздохнул переводчик. — Шеф, это и так было понятно.

— Спроси у него, что он знает про самолёт с оружием с той стороны, с которой он шёл, — продолжил коп.

После перевода Джон продолжил тянуть губы кверху.

— Большая железная птица, которая с помощью колдовства перевозит по небу богатых белоснежек, — он весь лучился от гордости, выдавая эту мудрость.

— Шайтан! — закатил глаза к небу полицейский, который даже без перевода понял, что от самолётов дикарь так же далёк, как Луна от Земли. — И что мне с ним делать? Остаётся лишь депортировать назад.

— Не получится, шеф, — переводчик медленно покачал головой из стороны в сторону. — Это не первый беженец из Южного Судана, к которому меня приглашают в качестве переводчика. Он может потребовать убежища в качестве беженца, поскольку у них в стране идёт война. И по закону мы не имеем права его депортировать.

— А что обычно с ними делают? — следователь в небольшом южном египетском городке не сталкивался с подобными случаями, в отличие от переводчика, который приехал по запросу из Каира, поэтому надеялся получить хоть какой-то ответ.

— Ну-у... — задумался носатый. — Обычно беженцев из Южного Судана отправляют в Израиль. Иудеи их принимают, хоть и с неохотой.

— Отлично! — обрадовался полицейский, увидевший выход, как избавиться от занозы в заднице, которой ему казался дикарь. — Я напишу руководству о необходимости депортации дикаря к иудеям.

Джанго с одной стороны радовался тому, что его привезли с другими беженцами к границе Израиля. С другой стороны, он был недоволен тем, что автомат с патронами у него изъяли. Горело душу лишь то, что всю наличность он сумел сохранить. Зная, как работает полиция в африканских странах, к которым, в том числе, относился Египет, у него имелась твёрдая уверенность в том, что своих денег он бы не увидел. А их у него накопилось уже почти три тысячи долларов.

Светить деньгами он не спешил. Всё так же носил их в потайном кармане.

Из одного палаточного лагеря его вместе с другими беженцами переправили в другой на территорию Израиля. Там его в числе прочих бесплатно кормили и выделили место в большой палатке с другими чернокожими парнями, которые выглядели хмурыми и погружёнными в свои мысли. Они не спешили вступать в контакт, а Джону лишние разговоры были не нужны. Он давно был самодостаточной личностью.

На пятый день пребывания в палаточном лагере его пригласили в штатную палатку, в которой находились двое иудеев. Военный сидел в сторонке, будто охранник в супермаркете. За раскладным столом расположился худой мужчина лет сорока с кучерявыми волосами, прикрытыми кипой. Белая рубашка с короткими рукавами и чёрные брюки придавали ему

солидности.

— Здравствуйте, — на родном языке парня начал он. — Как вас зовут? Сколько лет? Откуда вы? По какой причине прибыли в Израиль?

— Джон Джанго, двадцать лет. Я из племени джанго, которое проживает на территории Южного Судана, — после правления страной он знал, что нужно говорить, чтобы его не вернули туда, откуда он начал. Поэтому он, не моргнув глазом, продолжил: — В моей стране война. Я беженец. Хочу получить политическое убежище согласно конвенции о статусе беженцев ООН.

— В отношении граждан Южного Судана эта конференция не распространяется, — сразу же заметил мужчина. — Или у вас есть основания на получение подобного статуса?

— Конечно, есть, — продемонстрировал белозубую улыбку Джон, который знал, что нужно говорить для получения политического убежища, ведь он кое-как крутился в международной политике. — Меня принудительно рекрутировали на пожизненную службу в армию без оплаты труда. Фактически использовали меня в качестве рабской силы. Я сбежал или дезертировал из армии. Называйте это как пожелаете. Я предпочитаю считать это бегством из рабства. На родине меня ждёт расстрел.

— По нашим сведениям армия Южного Судана набирает в свои ряды добровольцев, — нахмурился иудей, которому совершенно не хотелось возиться с оформлением документов.

Большинство беженцев не могут рассчитывать на политическое убежище, поскольку для этого нужны серьёзные основания, примерно такие, какие предоставил нагло лыбящийся суданец.

— Отчасти они набирают добровольцев, но это не всегда так, — продолжал лыбиться Джанго. — Солдаты пришли к нам в племя, и силой принудили молодых людей, включая меня, пойти с ними. Они забрали наших коров и изнасиловали наших женщин. В общем, плохие люди. Мне обратно к ним нельзя.

— Документы у вас есть, Джон Джанго? — мужчина чувствовал, что у него начинает побаливать голова. Он селезёнкой чуял, что парень его обманывает, но приходилось записывать его слова в протокол.

— Нет, и никогда не было, — ещё шире стала его улыбка. — Зачем они скотоводу?

— Вы не упрощаете мне работу... — помассировал виски чиновник. — Что ж, заполним документы. Вам придётся ответить на ряд вопросов, чтобы мы могли проверить, не преступник ли вы и говорите ли вы нам правду.

— Конечно, — Джон был абсолютно уверен в том, что его слова никаким образом невозможно проверить. Израильяне не смогут отправиться к его родному стойбищу, чтобы опросить соплеменников. А об армии Южного Судана он знал очень много и мог назвать имена командиров, в существовании которых можно убедиться, и тем самым косвенно подтвердить правдивость его лжи.

После множества дотошных расспросов о том, где и как он жил, в какой части служил и чем занимался, на которые он ответил как по писаному по несколько раз, вопросы продолжились.

— Вы умеете читать и писать?

— Да! — с гордостью выпятил он грудь. — Я четыре года учился в школе в Уганде.

— Так-так, — оживился иудейский чиновник. — Интересно. Это как же вы это сумели сделать?

— Просто в один из дней я решил, что хочу быть грамотным, встал и пошёл в Уганду. Поучился в школе и вернулся назад к своему племени.

— Вот так просто? — приподнял брови иудей.

— Да. Что в этом сложного? — Джон продолжал улыбаться, как и во время допроса. — У меня есть ноги, я умею ходить. Куда хочу — туда иду.

— Какими вы владеете языками? — устало вздохнул мужчина.

— Английский хорошо, русский похуже. Испанский и немецкий ещё хуже.

Чиновник на мгновение замер и разглядывал чернокожего так, словно с ним заговорила кошка. Он сам с высшим филологическим образованием знал только два иностранных языка. На одном из них сейчас говорил, а вторым был русский, поскольку его родители были эмигрантами из СССР.

— Откуда вы знаете эти языки? — перешёл он на великий и могучий.

— Я немного работал гидом, — переключился на тот же язык Джон. — Возил туристов-белоснежек в родное племя. Русских туристов на удивление было много среди моих клиентов. Был среди них один прикольный мужчина с бородой. Он был ведущим передачи. Они снимали документальный фильм про жизнь моего племени. Его звали Николай Роздов. Такой забавный. Богатый, а всего с одной женой.

— К-хм... — поджал губы мужчина.

Он в свои сорок лет ни одной телезвезды не встретил, а тут какой-то дикарь почти на чистом русском рассказывал ему о том, как возил по Африке человека, на передачах которого он вырос. И ведь понятно же, что не врал. Ведь откуда дикарю из племени скотоводов знать о такой звезде российских документальных передач, как о Роздове?

— Что ж, — продолжил он, — с оформлением документов мы закончили. Ожидайте ответа. Процесс рассмотрения прошения может затянуться на месяц. Пока же вам надлежит находиться на территории лагеря беженцев. Покидать территорию лагеря запрещено. В случае нарушения запрета в вашей заявке будет отказано.

— Я всё понял, — внутренне ликовав Джанго, покидая штабную палатку.

<http://tl.rulate.ru/book/110403/4197820>